

РОБЕРТ
БИРКБИ

18+

ГОРНОЕ БЕЗУМИЕ

ЧТО ПРЕДШЕСТВОВАЛО ТРАГЕДИИ
НА ЭВЕРЕСТЕ
В 1996 ГОДУ

Б И О Г Р А Ф И Я
СКОТТА ФИШЕРА

Мир адреналина. Книги про экстремальный спорт

Роберт Биркби

**Горное безумие.
Биография Скотта Фишера**

«ЭКСМО»

2015

УДК 796.52

ББК 75.82

Биркби Р.

Горное безумие. Биография Скотта Фишера / Р. Биркби — «Эксмо», 2015 — (Мир адреналина. Книги про экстремальный спорт)

ISBN 978-5-04-193076-9

Скотт Фишер — горный гид, основатель компании «Горное безумие» и первый американец, взойшедший на вершину Лхоцзе. Многие слышали о нем как об организаторе коммерческих экспедиций, в особенности на Эверест. Но в 1996 году, при спуске с вершины, команда Фишера попала в снежную бурю. Всем альпинистам, кроме Скотта, удалось добраться до Лагеря IV на Южном Седле. Из-за многочисленных проблем, в том числе со здоровьем, у него просто не хватило сил на спуск... О той трагедии написано невероятное количество книг и снято множество фильмов, но кем был Скотт на самом деле — умалчивается. Был ли он безрассудным весельчаком или все-таки человеком, преданным горам и своим жизненным принципам? В этой биографии автор Роберт Биркби знакомит вас с настоящим Скоттом Фишером. Вы отправитесь в экспедицию на Аляску и в Танзанию, взойдете на Эльбрус и Ама-Даблам, а еще вы узнаете, в честь какой вершины Фишер назвал свою дочь. «В мае 1996 года на Эвересте произошла первая серьезная трагедия в коммерческом альпинизме. Участники нескольких экспедиций погибли, либо пропали без вести, а кто-то получил увечья. Скотт Фишер остался на горе навсегда. В книгах и фильмах он показан как личность без истории, будто это так естественно — внезапно оказаться на почти девяти километрах на склоне высочайшей горы в мире. Первые сорок лет жизненного пути Фишера куда интереснее, чем его последние сорок дней на восхождении. «Горное безумие» — рассказ не о том, как умер Скотт Фишер, но описание жизни, прожитой в прямом смысле на высоте, без ограничений, альпинистом с харизмой, любовью к миру и почти сверхчеловеческой выносливостью. Эта книга дает представление о человеке, у которого девиз «Просто сделай это!»

был воспроизведен и на логотипе его компании, и начертан в его душе.» —
Сергей Бойко В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 796.52

ББК 75.82

ISBN 978-5-04-193076-9

© Биркби Р., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Предисловие ко второму изданию	8
Введение	9
1. Олимп	12
2. Месяц на выживание	19
3. Много Брюсов	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Роберт Биркби Горное безумие: биография Скотта Фишера

*Либо путешествуешь, либо шатаешься без дела.
Путешествовать гораздо веселее, так что лучше отправиться в
путешествие.
Скотт Фишер*

MOUNTAIN MADNESS. Mt. Everest and the Life & Legacy of Scott Fischer by Robert Birkby

© 2015 by Robert Birkby

© Бойко С.В., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Скотт Фишер известен как харизматичный горный гид из США, погибший на Эвересте в 1996 году, о его смерти рассказывается в книге Джона Кракауэра «В разреженном воздухе». Фишера помнят в основном только по этой трагедии, что нельзя назвать справедливым подведением итогов необычной жизни. «Горное безумие», биография, написанная другом Фишера Робертом Биркби, рисует полный портрет американца, лишь набросанный в бестселлере Кракауэра.

Брюс Баркотт, The New York Time Book Review

Биркби удалось рассказать о власти, которую горы имеют над человеческой душой. Автор отлично показал способность Фишера любить и дружить, его харизму, обаяние и любовь к приключениям. Эти мемуары не только для альпинистов, но и для всех, кто безвременно потерял близкого друга.

Publishers Weekly

Отличная биография, написанная Биркби, дает гораздо более полное представление об альпинисте, широко критикуемом в профессиональном сообществе после трагедии на Эвересте 1996 года.

Seattle Post Intelligencer

Посмертное признание альпиниста и гида мирового класса от скорбящего друга и коллеги. Биркби легко повествует о жизни Фишера – рассказывает о встрече с медведями на Аляске, о приключениях при восхождении на Килиманджаро, о смертельных испытаниях на одной из вершин массива Аннапурны и о многом другом. Эта книга – дань уважения одному из великих экстремалов нашего времени.

Kirkus Reviews

Биркби тщательно исследовал жизнь Скотта Фишера и создал яркий портрет превосходного спортсмена. Любовь Скотта к альпинизму определяла все его действия. Шесть лет дружбы с ним – одни из самых запоминающихся в моей жизни. Мир стал беднее без Скотта. Благодаря биографии Биркби читатель фактически может лично познакомиться со Скоттом.

Эд Вистурс, автор книги «Нет коротких путей к вершине: Восхождение на 14 высочайших вершин мира»

У большинства людей время от времени случаются приключения. У Скотта одно приключение следовало за другим непрерывной серией. У кого еще бывает так? Большинство из нас осторожны и слишком консервативны. Скотт был другим.

Стейси Эллисон, первая американка на Эвересте, автор книги «За гранью возможного: Триумф женщины на Эвересте»

Авантюрная и полная риска жизнь Скотта Фишера завершилась трагедией на Эвересте в 1996 году вследствие некоторых решений и стечения обстоятельств. Биография Биркби предлагает читателю увлекательный взгляд на человека и на опыт, приведший к роковому финалу.

Фил Пауэрс, исполнительный директор Американского альпинистского клуба и владелец компании Jackson Hole Mountain Guides

Все это чертовски увлекательно, не так ли? С точки зрения того, что мы сделали и чего достигли к настоящему моменту, все было просто идеально. Конечно, хорошо, если бы по пути погибло как можно меньше людей.

Уэсли Краузе, соучредитель «Горного безумия»

Скотт очень любил жизнь. У него были прямота и честность человека, который рано нашел свое призвание и никогда не сомневался ни в целях, ни в выборе, ни в друзьях. Роберт Биркби проделал замечательную работу, проследив жизненный путь Скотта от занятий скалолазанием в подростковом возрасте в Вайоминге до восхождений в Гималаях. Книга «Горное безумие» – интересный рассказ о важности раздвижения границ и дань уважения человеку, чье стремление к приключениям было заразительным для всех, кто его знал.

Уолли Берг, глава компании Berg Adventures International

Предисловие ко второму изданию

Более четверти века прошло с момента трагедии на Эвересте 1996 года, когда две команды альпинистов в расчете на хорошую погоду направились к вершине высочайшей горы планеты. Одну экспедицию организовала новозеландская компания «Консультанты по приключениям», возглавляемая известным альпинистом Робом Холлом. Участники другой команды воспользовались услугами компании «Горное безумие» и ее руководителя Скотта Фишера. В то время коммерческие гиды были новым явлением в гималайском альпинизме. Холл и Фишер были друзьями, конкурентами в бизнесе и альпинистами мирового класса. На том восхождении им обоим пришлось столкнуться с проблемой управления клиентами. Некоторые подопечные хоть и были достаточно опытными альпинистами, полностью полагались на способности гидов провести их на вершину и помочь благополучно спуститься.

В последующие годы эта трагедия стала легендой. Не одна книга была написана по следам случившегося в попытке проанализировать мотивы и целеполагание гидов и участников восхождения. На различных университетских семинарах изучались принятые ключевыми персонажами решения. На интернет-площадках до сих пор ведутся серьезные дискуссии о том, что произошло на самом деле и кто виноват. Голливуд тоже взялся за эту историю: сначала сняли телевизионный фильм 1997 года «В разреженном воздухе» с актером Питером Хортоном в роли Скотта Фишера, затем последовал художественный фильм «Эверест» со звездным составом, Фишера здесь сыграл Джейк Джилленхол. Эта история словно создана для киноэкрана – вершины Гималаев в качестве декораций и фона никого не оставляют равнодушным.

Случившееся на горе в мае 1996 дало сценаристам богатый материал о борьбе людей со стихией, желаниях, мотивации, храбрости, подвигах и сокрушительных потерях. Все это, помноженное на магию современного кинопроизводства, компьютерные эффекты и очки 3D, лавиной обрушивается на зрителя. Но сама история слишком велика для рамок кинотеатра. Любой фильм ограничен по времени, а режиссеру нужно удерживать внимание публики, концентрируясь на самых захватывающих моментах. Как правило, киносценарий достаточно объемный и «вмещает» в себя не только основную линию повествования, но и нескольких подсюжетов. Однако в окончательном варианте персонажей упрощают в угоду драматичности, часто поступаясь фактами и даже рискуя оставить сущность героев в шкафу в раздевалке. В фильмах и книгах о трагедии 1996 года нет рассказа о Скотте Фишере. Экспедиция, ставшая последней в его карьере, несмотря на огромное внимание общественности, – далеко не самый яркий эпизод жизни, полной приключений, достижений и испытаний. Первые сорок лет жизненного пути Фишера куда интереснее, чем его последние сорок дней на восхождении. Знание всей истории необходимо для понимания того, что сделало Скотта альпинистом и что неумолимо влекло его к фатальной экспедиции на высочайшую вершину мира.

«Горное безумие» – рассказ не о том, как умер Скотт Фишер. Это критический анализ и описание жизни, прожитой в прямом смысле на высоте, без ограничений, человеком с харизмой, любовью к миру и почти сверхчеловеческой выносливостью. Исследуя путь Скотта от неинтересной в альпинистском смысле местности Нью-Джерси до высочайших вершин мира, «Горное безумие» дает представление о человеке, у которого девиз «Просто сделай это!» был и воспроизведен на логотипе его компании, и начертан в его душе.

Введение

Непал. Ясное, прохладное утро. Скотт Фишер показывает мне на Эверест, на котором он вскоре сделает последние шаги в своей замечательной жизни. Мы находимся на горе Кала-Патар высотой более пяти километров, что выше любой горы на территории Соединенных Штатов¹. Но здесь, в сердце Гималаев, это не более чем скалистый бугорок, окруженный одними из самых впечатляющих вершин на планете – Пумори, Нупitze, Лхоцзе, Ама-Даблам. Путеводители называют Кала-Патар вершиной для путешественников, которая под силу любому, кто способен преодолевать крутые подъемы и ходить по пересеченной местности, и я рад, что забрался так далеко и так высоко. Скотт почти не вспотел, пока мы шли. Виды потрясающие во всех направлениях, но взгляд Скотта, как всегда, обращен к Эвересту.

Я полагал, что все горы главного хребта Гималаев огромны, поэтому будут как бы уравнивать друг друга и смотреться с учетом масштаба более-менее одинаково, сводя на нет грандиозность, однако это было ошибочное представление. Соседи Эвереста поражают своими размерами, уводя взгляд прямо в небо и придавая новый смысл ощущению вертикали. В Гималаях слишком много необычного.

Видимость здесь такая же экстремальная, как и высота. Нет ни дымки, ни смога, атмосфера никак не сглаживает контуры скал и льда. Грани резкие, четкие, точные. Пейзаж бесцветен – черный камень и ослепительный снег, словно контрастная черно-белая фотография на фоне яркого синего неба. Эта местность не предлагает никакого компромисса, эта топография абсолютна и подавляюща в своей непосредственности. А вздымающаяся надо всем этим более чем на три километра слегка наклоненная вершинная пирамида Эвереста доминирует и над гигантскими горами вокруг. Будто смотришь на абсолют.

Скотт чувствует себя здесь как дома, он дает понять, что рад нашей прогулке. Я знаю его достаточно давно, чтобы понимать, что мы оба получаем больше удовольствия от дикой природы, чем от жизни в городе. Но я не разделяю готовность Скотта так рисковать и забираться настолько высоко, особенно сейчас, когда он снова подошел вплотную к Эвересту. Тайна его мотивации столь же притягательна, как и тайны самих гор. Возможно, это потому, что у меня есть пределы, а Скотт, похоже, никогда не достигнет своих. Время от времени я напоминаю ему, что намерен играть на фортепиано и в восемьдесят лет, а для этого понадобится полный «набор» пальцев. Я не собираюсь отморозить их ради того, чтобы стать на самой высокой горе. Знаю, что Скотт уважает мой выбор, но очевидно, что в его голове звучит совсем иная музыка, а не произведения Бетховена, Шопена или Брамса для клавишных.

Мы открываем рюкзаки и достаем козий сыр, непальские лепешки чапати и два шоколадных батончика. Далеко внизу у конца ледопада Кхумбу видны десятки красных, желтых и синих точек – палатки в базовом лагере Эвереста. Сейчас весенний сезон, и руководители экспедиций готовятся с базы отправить своих клиентов на вершину мира. За едой Скотт показывает маршрут, который он проложит через хаос сераков и трещин в ледниковую долину, называемую Западным цирком, затем по склону Лхоцзе в верховьях цирка к Южному седлу – перевалу на высоте 7906 метров между Эверестом и его соседом Лхоцзе. Оттуда альпинисты отправятся по юго-восточному ребру Эвереста к вершине. Именно этим путем на гору поднялись первовосходители Эдмунд Хиллари и Тенцинг Норгей в 1953 году.

Скотт не знает и не может знать, что указывает на маршрут, по которому он как лидер экспедиции, подписавший контракт с клиентами на восхождение, выйдет из тьмы неизвестности и попадет в бурю конфликтов и споров. Все клиенты Скотта спустятся с горы благополучно, но

¹ Кала-Патар переводится с непальского как «Черная скала». Это часть хребта семитысячника Пумори в районе Эвереста. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

в результате того, что впоследствии станет известно как трагедия на Эвересте 1996 года, Скотт и семь альпинистов и гидов из других экспедиций погибли вследствие непогоды и высоты в одном из самых красивых и самых негостеприимных мест на Земле.

* * *

Подробное освещение событий, случившихся той весной, превратило, в общем-то, непонятное для общественности занятие альпинизмом в некое откровение. Эта трагедия попала в национальные новости и на обложки ведущих изданий. Были опубликованы книги, в частности, «В разреженном воздухе» Джона Кракауэра и «Восхождение» Анатолия Букреева, в которых авторы давали оценки ситуации на горе. Телевизионный фильм сократил историю до размеров голубого экрана, а кинолента IMAX снова расширила ее до панорамной картинки. Миллионы диванных альпинистов взахлеб читали о случившемся, и критиковали, и ставили под сомнение каждое слово, каждый шаг и каждый вдох – неважно, будь то глоток разреженного воздуха или кислорода из баллона.

Пристальное внимание всего мира ударило по Скотту не меньше бури на Эвересте, потому что ажиотаж касался лишь последних дней его жизни. Невозможно избавиться от ощущения, что в печати и на киноленте Скотт подан как личность без истории, будто это так естественно для человека – без какой-либо прелюдии оказаться на почти девяти километрах на склоне высочайшей горы. В полемике и в воспоминаниях Скотт выглядит как карикатура на себя, определенные его сильные стороны и недостатки отобраны и выпячены, либо чтобы усилить драматизм, либо чтобы подтвердить рассказы других. И очень мало говорится о том, кем на самом деле был Скотт Фишер.

После его гибели одним было слишком больно думать о случившемся; для многих это было все, что они могли сделать. Друзья были поражены, что после многих лет занятий альпинизмом и серьезных достижений на этом поприще, после стольких передраг, из которых удавалось выбираться целым и невредимым, Скотт в конце концов столкнулся с трудностями, которые не смог преодолеть даже с помощью силы воли, которая всегда выручала его. Некоторые злились на Скотта за то, что его двое маленьких детей остались без отца. Другие были в ярости из-за того, что средства массовой информации слишком мало о нем рассказывали или наоборот – слишком много предполагали. Но все, кто знал Скотта, чувствовали, что в их жизни, которую когда-то заполняли его энергия и заразительное хорошее настроение, появилась пустота.

Эти люди со временем стали воспринимать Скотта шире – в контексте всего его существования, а не просто как потерю на Эвересте. За кружкой пива в баре или у лагерного костра в высокогорье друзья и коллеги-альпинисты с удовольствием вспоминают о совместных приключениях, которые они пережили со Скоттом. Они почти не скрывают, как сильно тоскуют по свободе и возможностям, которые он дарил, раздвигая общепринятые рамки.

Я чувствовал то же самое, стоило наткнуться на коробку, давно задвинутую под лестницу в подвале, в которой хранятся толстые тетради, озаглавленные «Непал», «Эльбрус» или «Килиманджаро». Внутри каждой множество исписанных в основном карандашом страниц да попадаются вложенные между листами посадочные талоны «Аэрофлота», «Непальских королевских авиалиний», советские рубли и танзанийские шиллинги. Стоит углубиться в одну тетрадь, потом уже открываешь следующую...

Время от времени в путешествиях встречаются люди, которых я знал при жизни Фишера, или иногда вдруг появляется потребность позвонить членам семьи Скотта, которые были близкими друзьями, а теперь живут совсем не рядом лишь потому, что время и география отдалили нас друг от друга. Во время таких встреч или звонков стоит вспомнить о Скотте, и вскоре истории льются рекой.

Крейг Сишолс, друг Скотта и инструктор по альпинизму, недавно рассказал сон, который приснился ему вскоре после смерти Скотта. Во сне Крейг сидел в каюте небольшого круизного судна, на котором он несколькими днями ранее прибыл на поминальную службу. Вдруг дверь в каюту корабля открылась, и на палубу вышел Скотт. Он сел рядом с Крейгом, и несколько минут они молча сидели, а волны поднимали и опускали корабль.

– Разве это было не здорово? – вдруг сказал Скотт.

– Поминальная служба? – спрашивает Крейг. – Ты ее имеешь в виду?

– Да нет же, – говорит ему Скотт. – Жизнь! Приключения! Все это! Разве не здорово?

Он улыбается Крейгу, треплет его по плечу, затем встает и идет обратно к двери.

– Просто замечательно, – повторяет он и уходит.

Слушая рассказ Крейга и читая дневники, чувствую знакомое желание отправиться в новую серьезную экспедицию. Только на этот раз вместо рюкзака будут блокнот и хорошая ручка. Вместо путешествия по дикой природе я вернусь назад во времени в поисках Скотта Фишера. Хочу вновь встретиться с теми, кто хорошо его знал, изучить отчеты о путешествиях и фотографии. Я хочу углубиться в жизнь Скотта, чтобы лучше понять, что им двигало и чем он вдохновлял других. И что в итоге привело его к смерти в одиночестве в месте, настолько близком к небу, насколько это вообще возможно.

Но еще хочется больше жизни, приключений. Есть желание вновь почувствовать, каково это – сидеть со Скоттом на Кала-Патаре, греться в лучах солнца, наслаждаться видами, доедать сыр и шоколад и замечать, что уже заполдень...

* * *

Я беру небольшой камень в качестве сувенира и кладу в рюкзак, тем самым уменьшая высоту Кала-Патара на пару сантиметров. Скотт смеется и говорит, что если все так сделают, то Гималаи исчезнут и негде будет заниматься альпинизмом. Он не собирает камни, хотя я сомневаюсь, что это из желания не уменьшать высоту горы. Просто камень, который он намерен положить в карман, лежит несколько выше.

На спуск с Кала-Патара до тропы вдоль ледника Кхумбу уходит час. Моя палатка в нескольких километрах отсюда – вниз по долине, рядом с шерпской деревней. Скотт направляется в противоположную сторону, желая добраться до базового лагеря Эвереста к ужину со своими приятелями, которые ведут клиентов на гору. Улыбнувшись и махнув рукой на прощание, он отправляется вверх по тропе быстрыми, мощными шагами.

Я машу в ответ и поудобнее устраиваю рюкзак на плечах. Это последний раз, когда я вижу Скотта, наше последнее приключение перед тем, как он станет частью легенды об Эвересте. Тропа, по которой мы пришли сюда, теперь в тени, и прохладный ветер дует по леднику. Начинаю спускаться, замерзший снег хрустит под ногами. Замечаю следы, которые мы оставили на снегу, когда поднимались утром. Следы Скотта еще достаточно четкие, их цепочка дает хорошее представление о том, какой большой путь мы проделали и сколь долго предстоит пройти мне, чтобы снова встретить его.

1. Олимп

Если хотите по-настоящему узнать человека, отправляйтесь с ним в долгое путешествие.

Стивен Грэм, «Благородное искусство бродяжничества», 1927

Все, кто знал Скотта Фишера, могут рассказать свои истории. Моя началась однажды вечером, когда Скотт убедил меня подняться на гору Олимп². Ему тогда было около двадцати, и скорость, с которой проходят годы, только начинала беспокоить его – что не хватит времени подняться на все большие вершины и жить жизнью альпиниста. Олимп случился задолго до моих серьезных восхождений и за годы до того, как Скотт впервые побывал на Эвересте.

«Он неотразим», – прошептала моя подруга Кэрол. Неотразим – не то слово. Человек, вошедший в дверь нашего дома в Сиэтле летним вечером 1982 года, мог бы быть главным героем какого-нибудь приключенческого фильма. Ростом примерно метр восемьдесят пять, чуть широкоплечий, с копной светлых волос и голубыми глазами Скотт улыбался открытой, немного застенчивой улыбкой, наполняя комнату энергичным присутствием. Он тепло обнял Кэрол и пожал мне руку, и улыбка не сходила с его лица, только видно было, как на квадратной челюсти чуть подрагивал мускул.

Кэрол и жена Скотта Джинни подружились шесть лет назад, будучи студентками Северо-Западного университета Иллинойса. Так получилось, что недавно мы четверо переехали в Сиэтл почти одновременно. Так что в тот вечер мы продолжили знакомство за ужином из данженесских крабов³ и белого вина, которое купили не потому, что его произвели на одной из виноделен штата Вашингтон, а потому, что оно было самым дешевым в магазине. Будучи новичками на Тихоокеанском Северо-Западе и не имея еще утвари для местных блюд, мы раскалывали панцири крабов с помощью плоскогубцев и молотка, а затем макали сладкое мясо в растопленное масло.

Джинни была блондинкой, как и ее муж, и такой же привлекательной, и за едой рассказывала о новой работе. Она устроилась бортпроводницей в компанию Alaska Airlines, базирующейся в аэропорту Сиэтла Ситак. «Летаю третьим пилотом», – пошутила Джинни, описывая свое место в кабине. Она намеревалась дослужиться до второго пилота, а затем стать и капитаном воздушного судна. Желание сделать карьеру в этой сфере привело ее на северо-запад США. А то, что Сиэтл окружен горами, было как нельзя кстати для Скотта.

Налив всем вина, он рассказал несколько историй о своих альпинистских приключениях. За последние несколько месяцев он преподавал на курсах выживания в дикой природе; поднялся на высочайшую вершину Южной Америки; возглавил экспедицию на гору Денали на Аляске – самый высокий пик Северной Америки; планировал альпинистскую поездку в Советский Союз и получил приглашение поработать несколько недель на коммерческом судне в Беринговом море. У него также имелись планы относительно компании, организующей приключенческие путешествия. «Мы возим клиентов в любую точку мира, куда захотят, – сказал Скотт, доставая еще крабов. – Она называется “Горное безумие”».

Мои приключения были более «горизонтальными», в основном длительные велосипедные поездки и долгие походы. Пока на столе росла груда крабовых панцирей и открывалась очередная бутылка вина, я рассказывал о своих занятиях, в том числе, как летом возглавлял бригады по оборудованию троп в горах на севере штата Нью-Мексико, и об Аппалачской тропе,

² Гора на западе штата Вашингтон высотой 2429 м.

³ Вид крабов, обитающий на западном побережье Северной Америки. Ширина панциря зрелой особи может достигать до 25 см. В области Тихоокеанского Северо-Запада и восточной части Канады является популярным деликатесом.

по которой в одиночку прошел более 3200 километров от Мэна до Джорджии. Скотта заинтересовал рассказ о прокладке троп, но с особым интересом он слушал о путешествии по Аппалачам, расспрашивая о продолжительности похода и о самодисциплине, позволяющей не прерывать поход, длившийся более пяти месяцев. Но, даже рассказывая об этом, я не мог отделаться от мысли, что осторожность в моих странствиях была столь же большой, сколь беспечность, с которой Скотт, казалось, подходил к альпинизму.

Под вечер Скотт предложил нам всем вместе подняться на гору Олимп – самую высокую вершину в Олимпийском национальном парке на западе штата Вашингтон. «Прогулка на пару дней», – сказал он. Джинни и Кэрол напомнили, что работают в пятидневном графике и вряд ли смогут принять участие. Однако я бросил карьеру преподавателя в Миссури ради похода по Аппалачской тропе, а затем переехал в Сиэтл, чтобы попробовать себя в писательстве. Так что мой календарь был свободен почти так же, как у человека, решившего заняться альпинизмом.

Я признался, что, хотя спокойно путешествую по ненаселенной местности, серьезное восхождение будет в новинку. Мне нравилось подниматься в горы, когда тропа ведет до самой вершины, а мысль, чтобы отправиться туда, где без веревок и ледорубов не обойтись, заставляла нервничать. Но Скотт отмахнулся от этих опасений. «Не волнуйся, у нас все получится», – сказал он, и я почему-то сразу почувствовал, что так и будет.

Через несколько дней ранним утром солнечные лучи, пробивающиеся сквозь ветви пихт и кедров, скользили по поцарапанному ветровому стеклу ржавого бордового «доджа» Скотта. Мы мчались по узкому шоссе, огибающему вершину полуострова Олимпик, и стрелка спидометра преодолевала отметку в 120. «Это его собственные единицы измерения, а не километры в час, – кричал Скотт, перекрывая вой двигателя и голос Джони Митчелл, пробивающийся сквозь помехи стереосистемы, давно перешедшей в моно, – но, когда поддашь газу, машина действительно едет!»

Скотт хлопал по рулю в такт музыке и раскачивался, как бы подгоняя автомобиль вперед. Я снабжал его горячим кофе со сливками, наливая его из помятого металлического термоса, который катался по полу у заднего сиденья. Стаканчик с кофе полностью скрывался в руке Скотта. «Этот “додж” собран из запчастей пары других таких же “доджей”, – сказал Скотт. – У меня была такая машина на Аляске, когда водил группы в горные походы и немного занимался коммерческим выловом рыбы». Он взглянул на меня и рассмеялся:

- Не знаю, где сейчас тот автомобиль, но вот этот производит масло.
- Что он делает? – спросил я, не уверенный, что правильно расслышал сказанное.
- Каждый раз, когда достаю щуп, масла становится больше.
- Seriously?
- Я тоже не понимаю, что там происходит, но на такое грех жаловаться, – сказал Скотт.

Мы выехали еще до рассвета, перебрались через залив Пьюджет-Саунд на пароме, затем на хорошей скорости въехали в лес, который по мере приближения к Тихому океану становился все гуще. Деревья были такими огромными, что казалось, будто едешь в темно-зеленом тоннеле. Добравшись до стоянки в начале маршрута в глубине тропического леса Хох, мы достали из багажника рюкзаки и упаковали в них палатку, спальники и другое снаряжение, хорошо знакомое мне по долгим походам. Но сегодня в багаже имелось и кое-что новое: ледобуры, обвязки, кошки и моток альпинистской веревки, которую прихватил Скотт. Надев рюкзаки и отрегулировав ремни так, чтобы основной вес приходился на бедра, мы стали подниматься по тропе. Первые несколько километров пути среди огромных папоротников и стволов поваленных деревьев высота набиралась плавно, поэтому можно было поговорить.

Скотт рассказывал о своем детстве в Нью-Джерси. Он играл в футбол, время от времени попадал в те или иные подростковые неприятности и не понимал, чем будет заниматься, пока однажды не увидел по телевизору передачу о восхождениях в горах Вайоминга. «Это было то, что нужно, – сказал он. – Я сразу понял, что это мое». Именно тогда он стал учиться скалола-

занию и альпинизму, начал ездить в экспедиции и с тех пор не прекращал заниматься восхождениями. Я спросил, как ему удастся сочетать свободный образ жизни со стандартной пятидневкой жены. Этот вопрос не давал мне покоя: стремление исчезать в глуши на несколько недель или месяцев кряду и при этом строить отношения с женщиной, которая не только привязана к корпоративному миру, но и стремится завести семью – вещи, похоже, несовместимые. «Джинни знает, что я альпинист и всегда им буду, – ответил Скотт. – Мы обсуждали это еще до свадьбы».

Мы остановились передохнуть, и я ослабил натяжение лямок рюкзака. Скотт протянул мне горсть изюма и орехов, и я спросил, что именно в лазании так привлекает его. «Я стараюсь делать это красиво, – ответил он. – Чувство, когда все делаешь правильно, – это мне нравится. Оно ничуть не хуже достижения вершины». Он описал горы как своего рода сцену, на которой можно оттачивать мастерство движений, даже если зритель только небо. Фраза звучала как заранее отрепетированная, и подумалось, что Скотт давал это объяснение довольно часто, чтобы донести до слушателя именно то, что он хотел сказать, и именно в таком ключе.

– Некоторые видят то, что я делаю в горах, и говорят: «Конечно, ты можешь так, ведь ты такой сильный». Допустим, но они не понимают, сколько усилий нужно приложить. Надо еще и соображать хорошо, чтобы разум не загонял тело. Нельзя давать себе невыполнимых заданий.

Мы пошли дальше.

– А такое бывало у тебя? – спросил я.

– Пообещать что-то себе и не смочь выполнить?

Скотт задумался ненадолго, а затем вместо ответа рассказал, как провалился в ледниковую трещину на горе в Вайоминге. Он летел вниз, ударялся о холодные мокрые стены трещины, пока наконец падение не остановила каменная полка, на которую он рухнул, вывихнув плечо. «Говорили, что это безопасный ледник, без трещин, поэтому я шел не в связке, что, конечно, было очень глупо, – сказал он. – Мои товарищи подобрались к краю трещины и стали всматриваться вглубь, пытаюсь понять, жив ли я. А я увидел их силуэты на фоне неба и закричал: «Йо-хо-хо! Я здесь, внизу!»

Друзья Скотта спустили почти на всю длину тридцатиметровую веревку. Он обвязал конец вокруг талии, и его вытащили на свет божий. Напарники обработали раны и попытались вправить вывих, но у Скотта настолько мощные мышцы, что это им не удалось. Путь до ближайшей больницы занял три дня пешком плюс более ста шестидесяти километров на машине по проселочным дорогам.

Скотт сообщил, что падений у него было предостаточно. «Какое-то время меня называли самым падающим скалолазом, но теперь, уверен, с этим покончено, – сказал он. – Мне двадцать шесть лет. Лучшим альпинистам, поднимающимся на Эверест, где-то тридцать-сорок, и я по-прежнему хочу оказаться в их числе».

«Ну, отлично, – подумал я, – отправиться на первое серьезное восхождение и узнать, что мой проводник не только собирается лезть на Эверест, но еще и известен своими срывами и падениями». Внезапно я поймал себя на мысли, что беспокоюсь не столько о том, доживу ли до сорока, сколько о том, вернусь ли завтра в Сиэтл.

К концу дня мы прошли около двадцати пяти километров до верховьев долины Хох. К моменту, когда лес остался внизу, а мы оказались на леднике Олимпа, снег на горе стал светиться розовым, а по мере захода солнца окрашивался во все более глубокие оттенки красного. Похолодало. Уже в сумерках мы поставили палатку Скотта на свободном от снега клочке земли, разожгли мою походную горелку и сварили картофель, морковь и лук. Я потянулся за банданой, думая использовать ее как ухватку, чтобы лучше установить кастрюлю на горелке, но Скотт опередил меня, подняв емкость голыми руками и не обращая внимания на жар.

Поев, мы помыли посуду, все убрали и залезли в спальники. Скотт снял контактные линзы, надел очки с толстыми стеклами, и мы решили сыграть партию в карманные шахматы,

которые он прихватил с собой. Доигрывали при свете фонаря и пришли к выводу, что идеально совпадаем в примитивности наших шахматных стратегий.

Следующее утро выдалось ясным, холодный воздух был полон обещаний и одновременно давал ощущение расстояния между нами и миром, в котором остались люди. В долине Хох выпадает более пяти тысяч миллиметров осадков в год, благодаря чему растительность тут вырастает до умопомрачительных размеров, эти же осадки – причина вечных снегов на Олимпе, и в утреннем свете я смотрел на трещины ледника и крутые заснеженные склоны. Гора была большой, утесистой и топографически сложной. Если бы я пошел сюда в поход один или с Кэрл, то в этом месте был бы как раз конец путешествия, тут можно было развернуться и с чувством удовлетворения отправиться домой. Для Скотта же этот поход – вынужденная необходимость, чтобы добраться до начала настоящего приключения – где кончается тропа, а плавный набор высоты переходит в крутой подъем по склону.

Мы сварили кофе для Скотта и чай для меня, поели овсянки прямо из кастрюльки. Я почистил посуду снегом с края ледника, мы положили дневной паек и одежду в рюкзаки, а все остальное убрали в палатку. Скотт помог мне надеть альпинистскую обвязку, а затем показал, как пристегнуть кошки к ботинкам. Его веселость уступила место спокойной серьезности, когда он объяснял, как нужно завязывать узел-восьмерку на конце веревки, как пристегивать карабин к обвязке и к петле узла. Другой конец веревки Скотт пристегнул к своей обвязке, вручил мне ледоруб, велел держаться на таком расстоянии, чтобы веревка между нами всегда была натянута, и наша крошечная экспедиция двинулась вверх по леднику.

Я следовал за Скоттом, обходя трещины. Когда обход был невозможен, он находил место, где трещина сужалась и ее можно было перепрыгнуть. Зубья кошек хорошо держали, но провалились Скотт в трещину, я бы не знал, что делать. Вероятно, в связке со мной Скотт был в безопасности не больше, чем если бы шел один. Мои знания о перемещении по леднику сводились к вчерашнему рассказу: если провалился, надо кричать «Йо-хо-хо!» и ждать, пока тебя вытащат. Возможно, так думал и Скотт. Сам он двигался с абсолютной уверенностью в своих силах, а связывающая нас веревка придавала уверенности мне – что он придет на помощь, если что-то пойдет не так. Перешагивая через очередную расщелину, я чувствовал азарт и интерес, помня, однако, что на леднике не стоит расслабляться.

Добравшись до начала ледника, мы развязались, Скотт смотал веревку и закрепил ее на своем рюкзаке, а затем повел меня вверх по крутому снежному склону.

– Делай шаги отдыха, – сказал Скотт, демонстрируя, как фиксирует колено и берет паузу, прежде чем сделать шаг. – Тогда вес берут на себя кости, а не мышцы, и можно идти часами.

Через несколько часов мы оказались на так называемом Снежном куполе и оттуда по гребню отправились к вершине Олимпа – каменной башне, торчащей из снега примерно на тридцать метров.

Скотт изучал возвышающуюся скалу, его лицо светилось от радости, прямо пропорциональной моему страху. Я смотрел на скальный массив и видел все места, где можно сорваться и упасть, а мой спутник, казалось, не замечал ничего, кроме возможностей.

– Мне это не очень нравится, – сказал я и хотел было предложить Скотту, чтобы он шел дальше один, но в этот момент он начал подниматься. Он лез так быстро, что, казалось, почти летит, его руки и ноги едва касались камней. «Господи, – подумал я, – как он двигается!» Это действительно выглядело словно танец в небе, и не возникало даже намека на возможность падения. Через мгновение Скотт исчез вверх. Затем я услышал, как он крикнул «Брюс!», а потом «Веревка!». Первого возгласа я не понял, о втором догадался, когда разматывающаяся веревка со свистом прилетела сверху, и ее конец приземлился возле моих ног. «Пристегнись и дважды проверь узел, перед тем как подниматься, – сказал Скотт. – И не спеши».

Я проглотил комок в горле. Я убеждал себя, что не стоит этого делать, что нельзя так рисковать. Но веревка лежала здесь, у моих ног, а Скотт не прекращал подбадривать: «У тебя получится. Просто начни, и все пойдет как надо».

Я пристегнул веревку к обвязке и поднялся немного по скале, потом пролез еще несколько метров. Пока получалось неплохо. Скотт не давал слабину, но в то же время оставлял веревку достаточно свободной, чтобы я лез самостоятельно. Я использовал трещины и выступы как зацепы и опоры для рук и ног. В какой-то момент я решил посмотреть вниз, но там была лишь пустота, и сразу возникла противная дрожь в коленях. Скотт убеждал меня продолжать восхождение. «Я держу тебя, – говорил он спокойным голосом. – Проверь каждую опору, прежде чем нагружать ее, и не забывай нормально дышать».

«Не лни так к скале, больше переноси вес на ноги. Ты не забываешь дышать?» – продолжал он. Осторожно, стараясь не смотреть вниз, я медленно переходил от одной зацепки к другой. Пару раз срывался, но оба раза удавалось нащупать выше хороший зацеп.

«Ты почти добрался!» – послышался близко голос Скотта. Кряхтя, я наконец втащил себя на Олимп и, стоя на коленях на вершине, вдруг понял, что наконец-то могу дышать. Рубашка промокла от пота, чувствовалось, как колотится сердце, но страх теперь буквально остался внизу. «Забавно, да?» – сказал Скотт, улыбаясь.

Последний участок подъема был невероятно страшен, он потребовал значительно больше усилий, чем я думал и чем готов был затратить. Но теперь, узнав, что это возможно, я испытал огромное чувство уверенности. В каком-то смысле это глупо – потратить два дня, тяжело физически работая, чтобы просто добраться до вершины высокой скалы в глуши. Безрассудство – лезть на скалу, срыв на которой был бы болезненным, если бы веревка остановила падение, и смертельным, если бы она порвалась. Но Скотт был прав. Это забавно. Это более чем забавно. Это сознательное противостояние опасности, преодоление ее и возвышение над ней. Ощущения от этого преодоления были головокружительными, буквально осязаемыми, они заставили меня стать максимально собранным и осознавать каждое действие.

Мы долго сидели, глядя на горы Олимпийского полуострова. Хорошо просматривались Рейнир, Бейкер, Глейшер-Пик и Адамс – цепочка заснеженных вулканов, которые, казалось, отдельно вырастали над темными лесами Каскадных гор. Где-то далеко Джинни и Кэрл сидели в своих офисах, как и большинство других людей, а мы со Скоттом сейчас оказались намного выше всего этого.

Я испытывал подобное чувство легкости и свободы, когда шел по Аппалачской тропе, вырвавшись из привычной жизни и осознавая, что раскрыл тайну, как улизнуть от социума и сохранить в себе что-то хорошее. Но было очевидно, что когда-то тропа закончится и придется решать, что делать дальше. Вот и сейчас я понимал, что мы спустимся с Олимпа, вернемся в Сиэтл и будем вынуждены вновь зарабатывать на жизнь. Но все же пока не было причин торопиться, момент «горного времени» стоило продлить. Мы отпивали воду из наших фляг и чувствовали, как пригревает солнце. Я был удивлен и благодарен, что Скотт не стал разбирать ошибки моего лазания. Он был искренне рад, что мы вместе, и, похоже, не имело значения, как я добрался до вершины.

Скотт страховал, когда я начал спуск, постепенно вытравливая веревку. Дело шло медленно – приходилось искать надежные упоры и зацепы. Но вот я достиг основания вершинной скалы и криком возвестил, что все прошло благополучно. Скотт спустился без страховки так быстро, что оказался рядом прежде, чем я успел развязать узел на обвязке.

Снова смотав веревку и уложив ее в рюкзак, мы пошли к лагерю. Скотт вел меня за собой и показывал, как быстро спускаться по крутому снегу. «Держи нос над пальцами ног, – сказал он. – Наклонись вперед, чтобы пятки не проскальзывали, и просто иди!»

Снизу приближалась группа из четырех альпинистов. Когда они поравнялись с нами, мы остановились, чтобы обменяться приветствиями.

- Вы поднимались на вершину по сложному маршруту? – спросил один из них.
- Наверное, да, – ответил Скотт, видимо, не задумываясь о категории трудности.
- Разве там, наверху, нет сложного участка? – поинтересовался альпинист.
- Не могу сказать, что мы что-то заметили, – сказал Скотт.

Наступило минутное молчание.

- Там нет сложностей или вы просто настолько хороши?

– Мы просто настолько хороши, – сказал Скотт с озорной улыбкой, посмотрев на меня, и мы пошли дальше.

До палатки добрались уже в сумерках, быстро приготовили и съели ужин, а затем улеглись, слишком уставшие, чтобы играть в шахматы. На следующее утро позавтракали и выпили много кофе, прежде чем свернуть лагерь. «На обратном пути хочу немного потренироваться, – сказал Скотт, закидывая рюкзак на спину. – Но буду ждать тебя на стоянке».

Он повернулся и зашагал по тропе.

Ждать меня? Я почувствовал, как внутри закипает гнев. «Слушай, приятель, – подумал я, – может, я не бог весть какой скалолаз, и мне потребовалась вся сила воли, чтобы подняться на Олимп, но что касается пеших прогулок, это уже моя поляна. Разве не я недавно прошел пешком от Мэна до Джорджии? Или у меня слишком короткие ноги? *Подождет он...* Может, ты окажешься в Гималаях задолго до меня, но будь я проклят, если позволю тебе или кому другому опередить меня на тропе».

Когда я надел рюкзак, Скотт уже почти скрылся из виду, но я догнал его, и мы шли быстро, как только могли, до самой стоянки. По пути мы болтали, но ни разу разговор не зашел о том, чтобы остановиться на отдых. Мы даже пили на ходу и не отставали друг от друга ни на шаг.

Мы не обсуждали это все, когда добрались до парковки и закинули рюкзаки в багажник или когда ехали назад, в Сиэтл, смеясь, крича и стуча по приборной панели, пока Джони Митчелл пела нам о доме. Или когда мимо нас по узкому шоссе промчался мотоцикл с двумя девушками в джинсах и фланелевых рубашках, которые успели хорошо разглядеть Скотта. Через несколько минут мы проехали мимо этих девушек, они стояли на обочине, а вскоре они вновь нас нагнали. На этот раз сидевшая сзади девушка расстегнула рубашку и обнажила свою грудь, а затем помахала нам через плечо, и мотоцикл скрылся из виду.

- Ты видел это? – спросил Скотт. – Ты им приглянулся, Брюс!

Я ответил, что сомневаюсь, что именно я являюсь объектом их интереса.

- И меня зовут не Брюс, – добавил я.

– Я думал, тебя можно называть Брюсом... Ну хорошо, – сказал Скотт и снова переключился на музыку, движение и дорогу.

Может быть, можно, а может, и нет. Было очевидно, что кое-что произошло по пути на Олимп и во время похода через лес к стоянке. Между нами возникла связь, мы прочувствовали наши сильные стороны, и, наверное, наши слабости. Мы в какой-то степени поняли, чего ждать друг от друга, и я, по крайней мере, почувствовал, что мир, в котором я путешествовал, неожиданно стал больше и гораздо интереснее.

Да, во всем этом имелся элемент мачизма.

Кто-то может сказать, что мы лишь старались показать, кто круче, и с этим трудно поспорить. Но что бы это ни было, оно установило определенный уровень отношений между мной и Скоттом Фишером. Так что в следующий раз, когда он протянет мне веревку, я без колебаний привяжу ее к обвязке и буду готов пойти с ним.

Что касается прошлого, захотелось узнать, что послужило для Скотта толчком вырваться из глуши Нью-Джерси и перевернуло его мир. Для этого требовалось покопаться в видеозапи-

сях телевизионных программ, в частности поискать старый фильм, о котором мне говорили многие друзья Скотта, – передачу о скалолазании. Она и стала причиной перемен.

2. Месяц на выживание

*Правила – для дураков.
Пол Петцольдт, основатель «Национальной школы лидерства»*

Зимой 1969 года начинающий документалист Майкл Уодли прочитал в журнале Life статью о Поле Петцольдте, пожилом альпинисте, который создал программу лидерства на природе. Программа подразумевала отправку подростков в глушь Вайоминга в надежде, что они будут самосовершенствоваться, делая разные интересные вещи. Петцольдт был достаточно колоритен, чтобы редакция рассматривала его кандидатуру для главной темы номера, но в итоге на обложке оказался американский серийный убийца Чарльз Мэнсон.

Статья описывала Петцольдта как гуру дикой природы, «известного тем, что он убил лося перочинным ножом, ходил по канату, переделся в сикха во время антизападных уличных беспорядков в Калькутте. Он играл в водное поло и футбол, выращивал люцерну, ездил на грузовых поездах, работал поваром, занимался пушным промыслом, был чемпионом по скоростному спуску и слалому, лектором-путешественником, игроком в гольф, продавцом подержанных автомобилей и хозяином ранчо». Петцольдт вырос на ферме в Айдахо, будучи подростком, отправился путешествовать по Америке, перебивался временными заработками и игрой в покер, переезжал с места на место автостопом и в грузовых поездах. «Я бежал не от чего-то, а к чему-то», – приводились его слова в статье в Life. А искал он приключений, особенно в дикой природе, в суровых условиях. Это, по мнению Петцольдта, была настоящая жизнь.

Такой информации было более чем достаточно, чтобы заинтересовать Уодли. Следующим летом он собрал съемочное оборудование и отправился на месяц в Вайоминг, фиксируя на пленку Петцольдта, который занимался с пятью подростками в рамках курса «Национальной школы лидерства». Фильм о школе, названный «Месяц на выживание», вышел в эфир 10 января 1970 года на канале Alcoa Presents в еженедельной телепрограмме, спонсируемой алюминиевой корпорацией Alcoa. Одним из зрителей, посмотревших ее, был четырнадцатилетний Скотт Фишер.

С учетом того, насколько пестрой стала биография Скотта впоследствии, интересно отметить, что его детство было ничем не примечательным. Оно мало чем отличалось от детства миллионов других американских детей, родившихся в семьях со средним достатком, чьи родители зарабатывали повседневным трудом и во время консервативной эпохи Эйзенхауэра, и в бурные годы, когда у власти находились Кеннеди, Джонсон и Никсон.

Джин и Ширли Фишер, родители Скотта, выросли в Маскегоне, городе на Нижнем полуострове Мичигана. Дед Джина приехал в Америку из Германии, бабушка – из Голландии, а родители Ширли эмигрировали из Венгрии. Никто из них не имел высшего образования.

«По окончании школы я не хотел идти в колледж, – рассказывал мне Джин. – Я сначала водил грузовик, развозил органы по всей стране, потом получил более высокооплачиваемую работу на сборочной линии в компании American Seating, которая производила школьные парты». Работа заключалась в прикручивании деревянных столешниц к основаниям с помощью электрической отвертки. На каждую столешницу уходило семь винтов. Этот механический монотонный труд заставил юношу пересмотреть устремления. Через месяц Джин ушел с фабрики, поступил в Мичиганский университет и стал изучать языки и естественные науки. Годом позже Ширли окончила среднюю школу, и они поженились.

Ко времени, когда Джин завершил обучение, у них с Ширли родилась дочь Ронда. Потом еще двое детей – Скотт в 1955 году и Лиза несколькими годами позже. Джин построил успешную карьеру в страховой компании, затем в Kimberly-Clark, а потом тридцать лет проработал в швейцарской компании Sandoz. Работа была разнообразной, задачи менялись достаточно

часто, чтобы поддерживать его интерес, а заработок позволил купить дом в пригороде. Одним из развлечений семьи были походы.

«В Мичигане можно ходить в походы с детьми, – говорит Джин. – Это недорого. Покупаешь палатку, кое-что из снаряжения и вперед. Так мы попутешествовали по Висконсину, Мичигану, два или три раза были на Мартас-Винъярд⁴. В основном это, конечно, были походы с ночевкой в кемпингах, где имелся душ, но в Катскильских горах бывали у нас приключения и посложнее».

Когда Скотт пошел в старшие классы, Джина перевели в Баскин-Ридж, штат Нью-Джерси, поселок, расположенный недалеко от штаб-квартиры Sandoz, рядом с Нью-Йорком. Семья Фишеров переехала в двухэтажный дом, и Скотт полюбил это место и с удовольствием проводил здесь время с друзьями. После уроков мальчики бежали на кухню, готовили себе что-то простое вроде макарон с сыром и отправлялись в подвальную комнату посмотреть телевизор, поболтать и погонять шары на бильярде. Иногда они шли в городской парк, который был через дорогу, поиграть в футбол или теннис. Друзья Скотта были в восторге от его сестры Ронды, но она была настолько старше, что не обращала на них внимания. Младшая сестра Скотта Лиза иногда присоединялась к их компании.

Скотт любил школу, интересовался театром и играл в спектаклях, был защитником в футбольной команде первокурсников, занимался теннисом и даже один сезон отыграл в местной хоккейной лиге. У лиги был внеурочный доступ к катку, и отец Скотта возил сына и нескольких его друзей на тренировки и обратно. Все было очень хорошо и очень по-американски, но чего-то не доставало. У Скотта имелась какая-то сверхэнергия, ему не хватало обычных занятий мальчиков в подростковом возрасте. Он стал красивым и сильным юношей и с нетерпением ждал, куда приведут его способности и силы. Но кроме школы, походов с семьей и времяпрепровождения с друзьями найти что-то не получалось. Даже спорт начал терять свою привлекательность: правила и рамки игровых полей слишком ограничивали. Требовалось что-то большее.

Скотту и его сестрам повезло с родителями, отец и мать поддерживали друг друга и своих детей. Атмосфера нормальной семьи сильно повлияла на Скотта, но ему не нравилась модель карьеры его отца. «Я был корпоративным работником, старался продвигаться по карьерной лестнице, заботился о доме и семье, – говорит Джин. – Думаю, Скотт и многие другие его сверстники просто восстали против такого образа жизни и связанных с ним дисциплины и ограничений. Это всегда происходит с детьми, когда они взрослеют. Они так реагируют на ситуацию, в которой оказались вместе с родителями, и утверждают, что сами-то будут делать все иначе».

Конец 1960-х годов дал подросткам множество различных ситуаций, против которых можно было восстать. Набирала обороты война во Вьетнаме, каждый вечер и в новостях, и на кухнях рассказывали о расовых разногласиях и политических потрясениях. Этого было вполне достаточно, чтобы любой подросток, интересующийся миром вокруг, хотел раздвинуть границы привычного пригорода и посмотреть, что находится за ними.

Одним январским вечером Скотт и его отец сидели перед телевизором. Они не планировали смотреть какую-то конкретную передачу, а, просто переключая каналы, наткнулись на документальный фильм «Месяц на выживание». Фильм начался с кадров заснеженного, продуваемого всеми ветрами горного хребта Уинд-Ривер на северо-западе Вайоминга – пейзажа крайне отличного от обжитых кварталов Баскин-Ридж в Нью-Джерси. Затем на экране появилась группа подростков с рюкзаками. «Эти дети в пяти днях пути от ближайшего жилья в самой

⁴ Мартас-Винъярд (Martha's Vineyard – дословно «виноградник Марты») – остров в шести километрах от мыса Кейп-Код на юго-востоке штата Массачусетс.

суровой дикой местности Америки, – сообщил закадровый голос. – У них нет еды, помощи ждать неоткуда. Пол Петцольдт специально поставил их в такое затруднительное положение».

Дальше рассказчик сообщил информацию о Петцольдте – легендарном американском альпинисте, «который считает, что приключения – это часть взросления». Петцольдт поставил перед героями фильма задачу прожить в глуши тридцать дней, за это время он учит их, как обустраивать лагерь, пользоваться картой и компасом, готовить еду на открытом огне и наращивать лидерские качества. После он отправил их одних и без еды преодолеть пешком более 110 километров по пересеченной местности в горах до места, где, как обещал, он будет ждать их.

В следующий момент в кадре появляется сам Петцольдт. Ему шестьдесят два на момент съемки, это физически сильный человек, явно чувствующий себя в своей стихии среди высоких пиков и широких долин хребта Уинд-Ривер. Петцольдт высокого роста – более 180 сантиметров, на нем шерстяные брюки и красно-черная клетчатая рубашка из той же материи. Но больше привлекает внимание лицо. Кустистые брови, пожалуй, самая выдающаяся черта. Лицо обветренное и изрезанное морщинами. Волосы седые. Голос глубокий и размеренный, в словах чувствуется убежденность человека, который много размышлял над предметом разговора и знает, что прав, что бы ни говорили другие. «Это совсем не похоже на Нью-Йорк, – говорит Петцольдт телезрителям, глядя в сторону гор. – Это совсем иное, чем отдых в Атлантик-Сити, Майами и тому подобное. Это совершенно другой мир, с другим набором ценностей. Здесь важны другие вещи».

Далее он объясняет, что эти вещи, какими бы они малопонятными ни казались на первый взгляд, становятся очевидными, когда человек оказывается в пустыне с рюкзаком и полагается исключительно на свою сообразительность. Программа, которую Петцольдт разработал для школы лидерства, подразумевает, что участники несут свое снаряжение в течение тридцати дней. Провизия пополняется каждые десять дней, продукты доставляются в отдаленные пункты на вьючных лошадях. За время похода по горам участники курса знакомятся с навыками выживания в условиях отсутствия цивилизации. «Это мощный стимул учиться, – объясняет рассказчик. – По истечении месяца участники остаются одни, без еды, в пяти днях пешком от ближайшего ранчо. Они должны сами найти выход и выжить».

Петцольдт не понаслышке знал, о чем говорил. В 1924 году в возрасте шестнадцати лет он с другом был одним из первых, кому удалось взойти на Гранд-Титон – гранитную скалу высотой почти 4200 метров в прериях на границе Вайоминга и Айдахо. Парни приехали в городок Джексон-Хоул у подножия хребта Титон и встретились с Билли Оуэном, человеком, который двадцать лет назад поднялся на вершину, что, вероятно, было первым успешным восхождением на эту гору. Оуэн описал свой маршрут, и юноши отправились наверх самостоятельно, взяв с собой пару одеял и немного консервов. Одеты они были в джинсы, ковбойские сапоги и хлопковые рубашки. «Мы все тогда делали неправильно, – вспоминает Петцольдт. – Едва не замерзли насмерть».

Несмотря на отсутствие опыта, им удалось пережить холодную ночевку на горе, а затем дойти до вершины. Когда они вернулись в Джексон, их называли героями, а Петцольдт вскоре стал зарабатывать сопровождением альпинистов-любителей в горах. На фотографии, сделанной во время одной из первых таких вылазок, он держит в руках веревку и ледоруб. На нем одежда из шерсти и кожаные ботинки – гораздо более подходящая экипировка для горных путешествий, чем ковбойские сапоги и легкая рубашка во время первого восхождения.

В 1920-х и 1930-х годах Петцольдт работал гидом, помогая клиентам совершать восхождения в национальном парке Гранд-Титон. Особенностью его работы стало обучение клиентов навыкам выживания в дикой природе. На такой шаг он пошел, в первую очередь, чтобы самому не решать бытовые и организационные вопросы во время путешествия. В 1934 году Петцольдт отправился в Альпы и совершил знаменитый однодневный траверс Маттерхорна.

Это привлекло к нему внимание профессиональных альпинистов в США, и в 1938 году Петцольдта пригласили в первую американскую экспедицию на К2, вторую по высоте гору мира. Благодаря упорству и применению разработанных навыков Петцольдту удалось подняться на высоту более восьми километров, он не дошел примерно шестьсот метров по высоте до вершины.

В результате зародилось то, что Петцольдт назвал «экспедиционным поведением», – наработка навыков и лидерских качеств, необходимых для руководителя или участника команды в условиях дикой природы. Доработка этих идей произошла во время Второй мировой войны, когда Петцольдт стал обучать навыкам выживания в зимних условиях солдат 10-й горной дивизии в Колорадо. После войны, однако, стало понятно, что горное ориентирование, то есть то, что Петцольдт любил больше всего, не дает достаточно средств к существованию. Он попробовал фермерство, потерпел неудачу и смирился с тем, что придется продавать подержанные автомобили, чем он и занимался последующие десять лет. Но в 1962 году его друг открыл филиал организации Outward Bound в Колорадо, и в следующем году Петцольдт получил первую зарплату в должности главного инструктора школы.

Outward Bound появилась в Англии во время Второй мировой войны, целью ее организаторов было научить молодых людей выносливости, чтобы выдержать суровые условия войны. Подростков отправляли в глушь, в дикую природу и заставляли решать задачи на пределе возможностей⁵. Петцольдт видел в этом ценность, но был недоволен тем, что слишком мало внимания уделялось обучению навыкам, которые помогут избежать кризисных ситуаций. Он также получил отказ, когда предложил Outward Bound открыть школу в Вайоминге. В 1965 году он уволился из компании и поселился в Ландере, штат Вайоминг, чтобы запустить программу собственной разработки, наиболее соответствующую, по его мнению, реальным потребностям подростков. Петцольдт назвал программу «Национальной школой лидерства».

В первый день курса, показанный в фильме «Месяц на выживание», Петцольдт учит подростков спускаться со скалы по веревке. Вначале он показывает, как завязать три основных узла. «Это все, что вам нужно знать почти для всего, вплоть до восхождения на К2, Эверест или любую другую гору, – говорит он. – Все очень просто. Освойте эти навыки, и вы сможете подняться на самые высокие горы в мире».

Прикрепив веревку к обвязке на талии и пропустив ее через карабины, Петцольдт поворачивается спиной к обрыву и начинает спуск, упираясь ногами в скальную стенку. Он двигается сноровисто и с хорошей грацией для человека его возраста и роста.

Затем, стоя у подножия скалы, он наблюдает за первым спуском своих учеников. Он настаивает на том, чтобы они использовали набор стандартных условных альпинистских сигналов, которые он помог разработать десятилетия назад. «Натяжение!», «Подъем!», «Дюльфер!». Студенты совершают ошибки новичков – слишком крепко держат веревку, не могут как следует откинуться назад, слишком сильно сгибают колени. Петцольдт поддерживает, поощряет и требует. «Отклонись от скалы, – кричит он. – Не сгибай колени!» Когда ученик успешно спускается, Петцольдт говорит ему: «Для первого раза очень хорошо. Превосходно!»

Повернувшись к камере, Петцольдт объясняет: «Философия, которую я пытаюсь привнести, заключается в том, что сейчас время не для лекций. Это отдых от лекций. Нам слишком много говорят, что и как надо делать, лишая возможности совершать что-то самостоятельно. Каждый день родители, школа и церковь проповедуют, как нужно думать. А здесь у ребят есть хорошая возможность отключиться, посмотреть на все, что они слышали за свою жизнь, понять и почерпнуть что-то новое. Мы надеемся, что они откроют себя, увидят других людей в их естественном состоянии, смогут посмотреть на все иначе».

⁵ Outward Bound переводится как «готовый к выходу в море» и «любящий путешествовать».

Он также говорит, что в горах полно приключений для молодых людей: «Школа – хороший способ дать им это, приключения лучше, чем ЛСД, марихуана или гонки на машине». Петцольдт подчеркивает, что, где приключения, там и риск: «Мне пришлось учиться скалолазанию самостоятельно. Я начал с восхождения на Гранд-Титон, когда мне было шестнадцать. Повезло, что вернулся живым. Зато как следует все переосмыслил и стал уважать горы. Я сочувствую детям, которые идут куда-либо в одиночку, потому что знаю, с какими опасностями они сталкиваются».

После четырех недель инструктажа, совместных походов, которые дают возможность оценить характер и способности каждого ученика, Петцольдт отправляет их в самостоятельное путешествие. С собой у подростков походное снаряжение, но нет еды. Они должны жить «с земли» в течение пяти дней, за которые предстоит добраться до конечной точки маршрута. Петцольдт научил их, как ловить рыбу, как отличать съедобные растения, но все же почти для всех учеников это будут пять дней голодания, трудного похода и работы – как личностной, так и групповой. Подростки, за которыми следует съёмочная группа Майкла Уодли, с течением времени становятся все более раздражительными. Когда они обнаруживают, что в их рюкзаках есть небольшой аварийный запас продуктов, начинаются споры, следует ли выполнить обещание и прожить пять дней своими силами или утолить голод имеющейся едой. После долгих обсуждений один мальчик съедает продукты, остальные решают к ним не притрагиваться.

Когда парни добираются до конца маршрута, их встречает веселый и приветливый Петцольдт. Он ведет их к большому столу, полному еды, и предлагает сделать бутерброды. «Теперь вы знаете, что такое цивилизация, – говорит он. – Единственный смысл цивилизации, единственный смысл культуры – это то, насколько хорошо вы в состоянии контролировать себя и свои инстинкты по отношению к окружающим».

Без видимой причины на заднем плане сцены бродит человек, играющий на волынке. В конце фильма Петцольдт снова обращается к аудитории: «Молодым людям нужны приключения, – говорит он. – Это хороший способ получить их. Стоит знать свои сильные и слабые стороны, приобретенные здесь навыки дают возможность не бояться трудностей в дальнейшем».

* * *

В мягком кресле в семейной комнате, подогнув ноги к груди и обхватив руками колени, сидел Скотт Фишер и смотрел на титры на экране. Слова Петцольдта были именно тем, что он ждал услышать всю жизнь. «Мы со Скоттом вместе смотрели телевизор, – сказал мне его отец. – И, по-моему, случайно наткнулись на эту программу и посмотрели ее целиком. Скотт сказал: “Боже, это фантастика! Я бы очень хотел поехать”. И я сказал ему: “Поезжай! Накопи денег, а я тебе помогу”. И именно так и произошло».

Они договорились, что, если Скотт внесет половину суммы в 450 долларов за обучение на курсах, отец даст недостающее. На следующий день Скотт устроился работать разносчиком газет.

В начале июня он отправился на запад в первое самостоятельное путешествие. Точнее, конечно, ехал он не совсем один, потому что вскоре к нему присоединились семьсот пятьдесят других подростков со всей страны, привлеченные обещанием приключений в передаче «Месяц на выживание». Когда ребята добрались до Вайоминга и хребта Уинд-Ривер, их жизнь уже сильно изменилась.

Майкл Уодли тоже пошел дальше. Через несколько недель после выхода фильма «Месяц на выживание» он поехал в штат Нью-Йорк на съемки документального фильма о небольшом музыкальном фестивале, который впоследствии стал известен как рок-фестиваль «Вудсток». Уодли любил контркультуру, а ее в «Национальной школе лидерства» было предостаточно. Этот фильм для него оказался не менее интересным, чем о музыкантах «Вудстока».

3. Много Брюсов

ПЕРВЫЙ БРЮС: Добрый день, Брюс!

ЧЕТВЕРТЫЙ БРЮС: Брюс.

ВТОРОЙ БРЮС: Как дела, Брюс?

ЧЕТВЕРТЫЙ БРЮС: Брюс.

ТРЕТИЙ БРЮС: Как ты, Брюс?

ЧЕТВЕРТЫЙ БРЮС: Добрый день, Брюс.

ПЕРВЫЙ БРЮС: Тебя зовут Брюс?

МАЙКЛ: Нет, Майкл.

ВТОРОЙ БРЮС: Это вызовет некоторую путаницу.

ТРЕТИЙ БРЮС: Не возражаете, если будем называть вас Брюс, чтобы всем было понятно?

«Летающий цирк Монти Пайтона»⁶, из «Скетча про Брюса»

Прогуливаясь по широким пыльным улицам города Ландера летом 1970 года, Скотт обнаружил, что он – один из сотен подростков, которых привлекло в Вайоминг обещание Пола Петцольдта свободы и приключений. Некоторые ребята приехали на автобусах и самолетах, кто-то на машинах. А кто-то добирался в этот городок в глуши автостопом.

Итак, подростки с длинными волосами и в выцветших джинсах, в переделанных из штанов шортах и футболках, с вещевыми мешками, чемоданами и рюкзаками... Их головы забиты музыкой шестидесятых и взглядом на вещи, на который сильно повлияли проявления различных контркультур, сотрясавших американскую нацию. Многие ребята рисковали. Все они искали что-то, чего не могли до конца понять и объяснить себе, но раз нечто интересное и многообещающее появилось в Вайоминге, то в Вайоминг они и отправились. «Приезжало много людей, – сказала мне Поки Гайп, которая была инструктором несколько лет, еще до того, как сюда попал Скотт, и стояла у истоков создания школы. – Мы были изгоями, но в хорошем смысле этого слова».

Школе тогда исполнилось шесть лет. Как организация она проходила через свой «подростковый возраст» – годы бурного и неумелого роста. Петцольдт и его сотрудники экспериментировали, улучшая программу. Если нововведение оказывалось успешным, оно оставалось, если нет, его отменяли. Одна из идей, которую продвигал Петцольдт, заключалась в том, чтобы курсы были доступными для всех желающих. «Пол исповедовал принцип “плати, когда сможешь”, – вспоминает Поки. – Он разрешал учащемуся приехать с пятьюдесятью долларами, и тот вносил оставшиеся деньги за обучение, когда мог. Так что у нас были подростки с действительно авантюрным складом характера и совершенно разные. Большинство попало в школу не потому, что она известная, и не потому, что их послали родители. Они были здесь, потому что делали это для себя».

В администрации школы Скотт встретился с руководителем и другими участниками. На выбор предлагались три курса. Курс альпинизма подразумевал скалолазание и спуск по веревкам. В рамках курса «Путешествие по дикой природе» участники учились жить без рюкзака, находить путь в глуши и обращаться с удочкой. Скотта определили в отряд в рамках курса «Искатели приключений» – программы, разработанной для подростков в возрасте от тринадцати до пятнадцати лет, которые хотели попробовать то, чем занимались старшие участники на курсах альпинизма и путешествий по дикой природе.

⁶ «Летающий цирк Монти Пайтона» – британский комедийный скетч-сериал комик-группы «Монти Пайтон» 1970-х. Шоу выделялось сюрреалистическими сюжетами, рискованными намеками, яркими шутками и искрометными диалогами. Действие с живыми актерами перемежалось либо сопровождалось анимацией.

Сотруднику, выполняющему функции руководителя отряда, помогали один или несколько инструкторов, которые обучали навыкам передвижения по пересеченной местности. Руководителю отряда должно было быть не менее шестнадцати лет, инструкторы могли быть и моложе. Так же как ассистенты, нанятые для помощи в проведении курсов.

Петцольдт верил в способность молодых людей преуспевать на руководящих должностях и считал, что хороший способ обучить их – дать всю полноту ответственности. Кроме того, у него просто не оставалось другого выбора. После телепередачи о школе количество молодых людей, записавшихся на курсы, зашкаливало. Петцольдт и его сотрудники предлагали ответственные должности всем, кто хорошо проявлял себя.

Скотт и его товарищи по отряду называли себя «джетами». На большом складе школы в нескольких кварталах от центра города их встретила Тельма Янг, ведавшая снаряжением. Тельма шила палатки и большую часть одежды для отрядов. Петцольдт оптом закупал одежду в армейских магазинах, чтобы пополнять запасы шерстяных брюк, свитеров и ботинок. Тельма отрезала часть одного свитера и пришивала его к другому, чтобы получался «удвоенный свитер», достигающий до колен, а остатки рукавов шли на носки и гетры. Петцольдт сделал несколько выкроек непромокаемых курток. Подростков просили приносить с собой одежду из прочной шерсти и старые одеяла, хотя, если требовалось, Тельма могла экипировать ученика полностью сама. Если выданные шерстяные штаны оказывались слишком длинными, она отрезала лишнее и пришивала к новым крагам шнурки. Для укрепления задней части штанов использовались фрагменты, вырезанные из старых одеял. Венчала наряд небрежная широкополая шляпа.

Затем в другой части склада подростки собирали и упаковывали в полиэтиленовые пакеты порции риса, макарон, овсянки, какао-порошка и других необходимых продуктов. Эти пакеты завязывались вручную, но ребят инструктировали не затягивать узлы слишком туго, поскольку их будет нелегко развязать в трудную минуту. Также подросткам выдавали несколько головок сыра и больших консервов. Банки из-под таких консервов использовались в походе как котелки. Затем ученики забирались в кузов грузовиков и отправлялись к началу маршрута где-то в хребте Уинд-Ривер.

Заплатанные шерстяные штаны, удвоенные свитера, шляпы с опущенными полями и тяжелые рюкзаки безошибочно выдавали в подростках причастность к школе. «Джеты» считали, что они делают все правильно, и гордились тем, что могли идти дальше и быстрее, чем подростки из других отрядов. Они учились пользоваться компасом и картой. Они усвоили основы скалолазания и спуска с веревкой. Они взойшли на несколько вершин. Они ловили форель на удочку и готовили еду на открытом огне, и эти приключения превзошли их самые смелые мечты.

Скотта особенно привлекло скалолазание. Подъем по скале требовал всех сил и ловкости, работы ума, концентрации и силы воли. Скалолазание позволило Скотту оказаться в мире без границ, где все возможно и нет никаких ограничений, кроме силы тяжести. Лазание требовало полной отдачи здесь и сейчас, а свои пределы можно расширять за счет усердных тренировок, практики и смелости.

Петцольдт навещался в каждый отряд в течение нескольких дней, когда подростки были в горах. Он приезжал верхом, обучал навыкам работы и жизни в сельской местности и подкреплял мысль, что доверяет ученикам в принятии правильных решений. «Правила для дураков, – говорил он и повторял эту фразу так часто, что она стала мантрой для учеников. – Правила для дураков, потому что у дураков нет рассудка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.